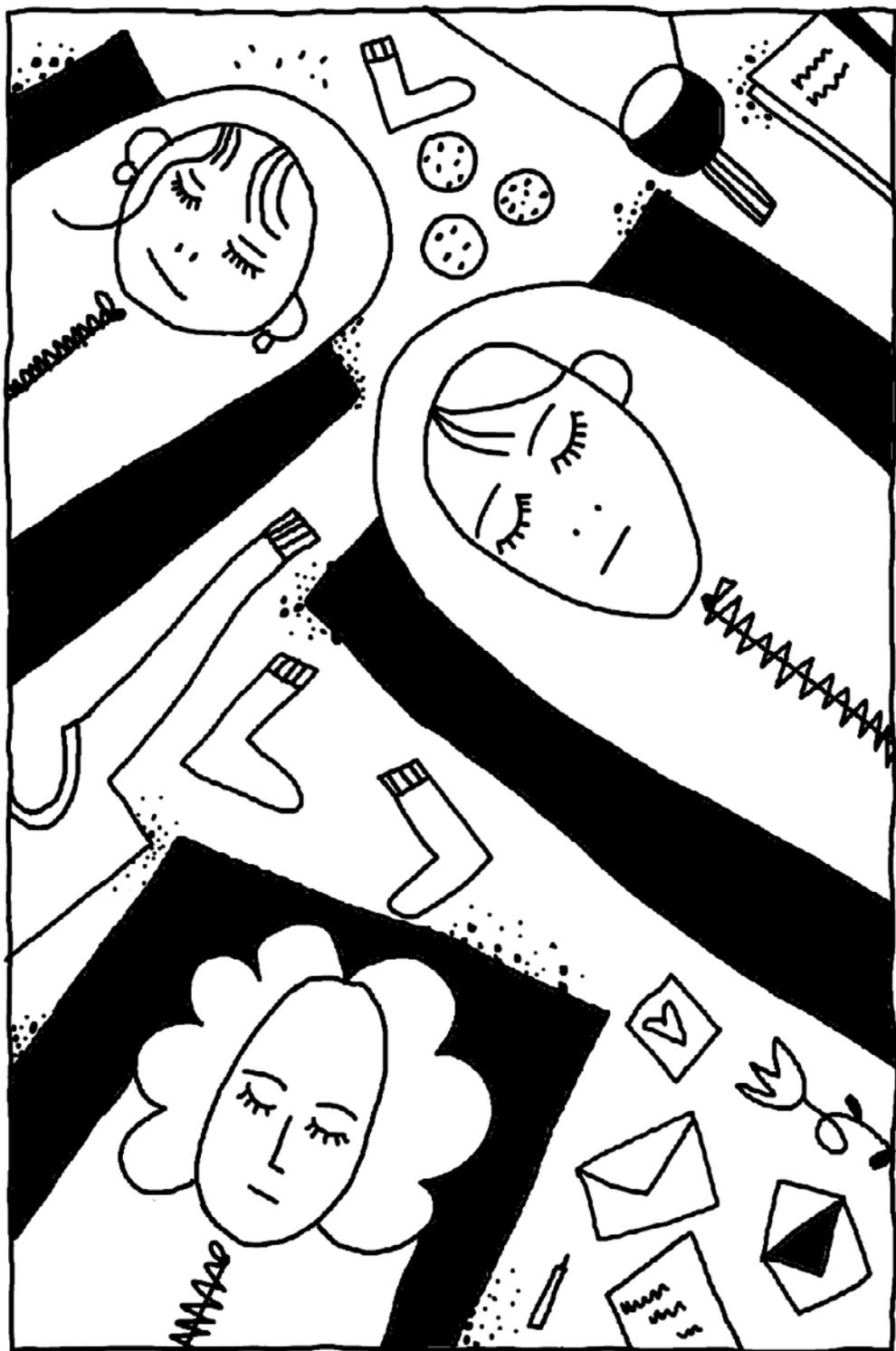

Книга вошла
в короткий список III сезона

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
БЕЛОЙ ВОРОНЫ

Анастасия Вервейко

КОЙОТЫ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2024

ББК 84(2Рос=Рус)-44

УДК 82-3

В31

Вервейко, Анастасия.

Койоты средней полосы / Анастасия Вервейко. – М. : Albus Corvus,

2024. – 200 с.

ISBN 978-5-00114-408-3

© Анастасия Вервейко, 2023

© Настя Борисенко, оформление обложки, 2023

© ООО «Издательство Альбус корвус», 2024

Сидеть в засаде было неудобно, больно и пыльно. Жесткие пеньки скошенной травы впивались в колени. Опасная сумеречная жизнь кишела под ними — Полина чувствовала, как там шевелятся усы и снуют туда-сюда длинные членистые лапки. Но азарт превозмогал все. И хотя тело натянулось струной и каждый мускул готов был спружинить, а ноги так и порывались бежать, она оставалась на месте. «Подпустить еще поближе, — думала она, — пускай пройдут мимо и заглянут в кусты, тогда уж точно не вернуться».

И действительно, на фоне меркнувшего неба, мешаясь с тенями кустов, проплыли черные силуэты, рассеянно поворочали палками в листьях и прошуршали мимо. На мгновение Полине показалось, что это настоящие инопланетяне, и какой-то первобытный страх пополам с восторгом охватил ее тело, так что она чуть не закричала вдогонку.

«Теперь дождусь, пока перейдут поле», — подумала Полина и позволила себе наконец пошевелить онемевшими ступнями.

Тени дошли до края травы и растворились в роще. Тогда Полина вскочила, зорко оглядела даль и кинулась в другую сторону — туда, откуда несколько минут назад выплыли силуэты. К штабу.

Умирал третий вечер школьной археологической экспедиции. Шла война. Отряд Полины был разбит. Однако война не считалась проигранной до тех пор, пока в живых оставался хотя бы один солдат.

«Небось, уже чай пьют на поляне, все сдались в плен», — с горечью подумала она, продираясь сквозь валежник к штабу, и почувствовала, как к глазам подступили слезы, а под языком предательски собрались слюнки. Есть хотелось ужасно, хотелось чаю, печенья со сгущенкой, сидеть на пенках у костра и щуриться на дымный горячий воздух... Она слишком хорошо пряталась, слишком ловко уворачивалась, слишком быстро бегала для этой игры — она воевала всерьез.

«Но разве каждый не должен был стараться изо всех сил? — спрашивала себя Полина. — Разве победа и команда — теперь пустые слова? Может быть, и друзья — пустое слово? Так просто взять — и сдать!» Но именно это они и сделали: просто сдались в плен и теперь с незаслуженным, нечестным удовольствием сидят в лагере и отдыхают, нисколько не устав! Полина в бешенстве пнула кочку. «В штабе, конечно, тоже никого нет», — горько подумала она, но к лагерю не свернула.

На месте штаба тлел крошечный костерок. В складном кресле дремала, нахохлившись, историчка. Полина, на секунду оробев, взорвалась:

— Ольга Викторовна! Я вернулась! Я осталась в живых!

Ольга Викторовна встрепенулась и подняла на Полину мутный со сна взгляд.

— Наконец-то, — проворчала она, с усилием вытаскивая обильное тело из раскладушки. — Где тебя носило? Все давно уже в лагере — война кончилась! Даже ловцы вернулись! Где ты была?

— Я уничтожила троих противников — вот погоны, — Полина сунула под нос учительнице влажные мятые бумажки, — и спаслась бегством от пятерых ловцов!

— Ты что, не слышала гонг? — учительница не понимала ее, она встала и принялась брызгать на угли остатками воды из фляги. — Тебя по всем оврагам ищут, давно пора быть на Большом Костре! Я, между прочим, жду тебя здесь больше часа...

— Ольга Викторовна! Я добыла своему отряду третье место! Я... — начала Полина и задыхнулась. Все было яснее ясного: Ольге Викторовне тоже хотелось чаю с печеньем... Им всем с самого начала было плевать! Все только делали вид, что играют.

— Ты, конечно, молодец, — раздраженно перебила Ольга Викторовна, — но ты снова выбиваешься из коллектива! Семеро одного не ждут, знаешь ли. А кроме того, ты опять нарушила распорядок: гонг прозвучал для всех!

«Заигралась, — горько думала Полина. — В лагере будут ржать».

Как это странно: одни делают вид, что воспитывают, а другие — что воспитываются. Для чего? И почему больше никому не интересно играть? Хоть немножко? Разве это не здорово? Она вспоминала, как неслась птицей в пыльной серой траве, ликуя и умирая, как пряталась,

переставала дышать, как нападала и ненавидела, — она оцупывала свою игру: просто дух захватывало!

В глубоком смятении, сумрачная и злая, брела Полина за учительницей через черное поле, а над ними в сиреновом небе включались звезды. Шарахались по кочкам ежи, стрекотали сверчки — у них была своя Игра, и никто не ругал их за то, что они возятся, сопят или наярявают крыльями до звона.

«Я хочу быть ежом, — подумала она. — Шуршать сухими стеблями, тереться о теплую пыль...» Она зажмурилась, как еж, и пошла наугад.

— Девочка-героин! — гаркнуло сбоку, и Полина распахнула глаза. На нее таращились пять пар глаз, на лицах застыли ухмылки — это были ловцы. Старшие. Видно, только что болтали о ней.

— Почему не на костре?! — набросилась на них Ольга Викторовна.

— Ольга Викторовна, инквизицию упразднили в 1834 году, помните? — заорал в ответ развязный Пашка, здоровяк из одиннадцатого класса. Остальные угодливо загоготали.

— Я-то помню, Паша, — спокойно ответила историчка и тихо добавила: — А иной раз и пожалеешь...

Потом рассеянно обернулась к Полине.

— Ну, иди в лагерь, — и вплотную занялась ловцами. — Где сигареты? Уже попрятали?..

Полина осталась совсем одна. Она больше не была ни солдатом, ни ежом — она вдруг очень устала и покорно ползла в сторону стелющегося по безветрию дыма, где маячили темные силуэты палаток и откуда долетал мелодичный струнный перезвон.

С разочарований начинался этот сезон. Во-первых, стоянка, которую им предстояло раскапывать, относилась к позднему каменному веку, а значит, бронзовых находечников, монет и украшений, как в прошлый раз, нечего было и ждать.

Во-вторых, за ними увязались студенты-историки. Но тут Полина, конечно, лукавила, потому что увязались скорее они, — у тех-то была учебная практика, школьники же ехали за интерес. Студенты поставили лагерь достаточно далеко, с другой стороны леса. Но так как ложились они без отбоя, когда вздумается, в ночи еще долго раздавались залихватские песни и крики. Студенты шастали к школьникам, чтобы стянуть что-нибудь из кухни или выклянчить гитару на вечер, а попробуй отказать таким лбам!

В-третьих, девчонки встали слишком близко к учительскому крылу. Палатка Ольги Викторовны маячила через одну справа, а это значило — прощай ночные чаепития, покер, истории и стихи. Полинину палатку учителя не поленятся уложить персонально!

И было что-то еще, чего Полина пока не понимала, — что-то, отчего весь лагерь вдруг утратил кураж, отчего всех теперь тянуло бродить парочками впотьмах, шастать к студентам и набиваться в палатки вместо того, чтобы одним огромным зверем ютиться у теплого костра и петь или носиться стаями по лесу. А ведь она ждала этого лета целый год! Все ждали!

Дойти до костра Полине было не суждено. Из темноты вынырнули две слипшиеся, как сиамские близнецы, фигуры и, пригнувшись, пошли на нее. Полина на всякий случай посторонилась и ускорила шаг.

— Полинка, стой! — зашипели сиапцы, и Полина выдохнула: Верочка и Ташка со всеми предосторожностями кралась к ней.

— Куда вы? — зашипела Полина в ответ, бросаясь к ним, как к спасательному кругу.

— Курить! — Верочка с разгона ткнулась носом в Полино ухо и сунула понюхать тощий кулак. Кулак разжался — в нем лежала сломанная сигарета.

— С фильтром! — оценила Полина, и они повернули к опушке. — Кто дал?

— Паша! — кокетливо ответила Ташка.

— Паша дурак! — расстроилась Полина. Он все еще оставался врагом. И вообще, ей не нравились хамы: разве можно так разговаривать с учителем?

Но у Ташки было свое мнение на этот счет. Она повела плечом и аккуратно собрала рукой роскошные длинные волосы.

— Зато он красивый и здоровенный. Копают как заведенный, когда дежурит в раскопе!

— Да, он не отлынивает, — поддержала Верочка. — Значит, что-то хорошее в нем все-таки есть...

Полина глубоко вздохнула. Может быть, в самом деле, неправа она? Учителя постоянно твердили ей, что она «бескомпромиссная», хотя самой Полине больше нравилось слово «принципиальная». Но тогда выходило, что «готовая на компромисс» — это то же, что и беспринципная. А худшего ругательства и представить нельзя! Полина перебирала все эпитеты, которыми ее награждали в школе: бескомпромиссная, категоричная... и еще вот это, невыносимое — «юношеский максимализм». Но ведь должны же у человека в пятнадцать лет быть

какие-то взгляды? А если ты уже решил для себя, что́ хорошо и что́ плохо, разве не должен делать это свое маленькое «хорошо» — хорошо и пресекать несправедливое «плохо»?

И пока подружки возились со спичками, Полина попыталась сформулировать свои взгляды. Но все у нее выходило как-то неубедительно. Во-первых, Бог. Тут вроде все понятно: он есть. Но какой — Христос? Аллах? Будда? Раз и они воюют между собой, кто-то тут должен быть неправ. Но не может же человек быть неправым только потому, что родился индусом или арабом? Одни уже думали так — и что из этого вышло? Вторая мировая война!

«Фашисты тоже были принципиальными!» — вдруг ужаснулась Полина и быстро посмотрела на Верочку: не считает ли она Полину фашисткой? Верочка поймала ее взгляд, быстренько затянулась сама и сунула ей сигарету. Верочка вообще все делала быстро и резко, отчего частенько давала поводы для смеха, но только не обижалась, как Полина, и с ней всегда было легко и запросто.

— Да тут одному мало, — усмехнулась Полина и аккуратно передала сигарету Ташке.

Вот, например, курить или не курить, думала она дальше, — это личное дело каждого, тут Ольга Викторовна неправа. Курение не делает людей ни хорошими, ни плохими. И Пашка плох не потому, что он курит, а потому... Потому... Что он беспринципный, вот почему! Ему все равно! Ольга Викторовна не за то его ругает! Впрочем, может быть, это какая-то другая игра, правил которой Полина не знает?..

— Вера, знаешь, что́ я думаю?

Верочка обратилась в слух.

— Я думаю, что Второй мировой бы не было, если бы кое-кто иногда сомневался в своей правоте.

— Гитлер? — с готовностью предположила Верочка, ничуть не удивившись. Полина очень это любила в ней: та угадывала настроение и все-все понимала с первого слова.

— Да. Я тут вдруг подумала, что быть принципиальным не всегда хорошо. Что нужно иногда сомневаться. Как ты считаешь?

Верочка на секунду задумалась.

— Но как тогда узнать, что тебе делать, а чего — нет? — спросила она. — Если все время сомневаться?

«Читает мысли!» — восхитилась Полина.

— Не знаю. Я только поняла вдруг, что сомнения заставляют человека думать.

Вера пожала плечами:

— Наверное, сомневаться надо, чтобы быть добрым. А волевым людям это ни к чему.

— А нужны они, эти волевые люди? — неожиданно подумала вслух Полина и ужаснулась собственному кощунству.

— Ты говоришь как анархистка! — мягко усмехнулась Ташка. — Конечно, нужны! Кто-то же должен в этом розовом месиве сомнений принимать решения?

«Ташка не сомневается», — огорчилась Полина и начала было думать про анархистов, как вдруг что-то зашуршало. Ташка быстро бросила окурок в траву и затоптала носком кеда. Из сумрака свилась фигура и постепенно оформилась в Пашку.

— Снова-здорово! — развязно протянул он, вытаскивая сигаретную пачку из заднего кармана штанов. — Ой,

и девочка-героин тут! — Полина ошетибилась и приговилась к битве насмерть. — Неужели тоже куришь? Ай-ай-ай! Пионеры не курят!

— Очень кстати, что их больше нет, — огрызнулась Полина.

— А че ты такая злая, девочка-героин? Ты лучше объясни, что это ты сегодня устроила? Тебя всем лагерем найти не могли. Очень нам надо было полтора часа прочесывать лес. Заигралась в шпионов, а, героиня войны?

Полина от негодования не смогла подобрать таких слов, чтобы побольнее отхлестать ими наглого Пашку, и с немой мольбой обернулась к подругам. Но Ташка рассеянно улыбалась, пряча в носки своих кед трепетные взгляды, а Верочка тревожно глядывалась в тьму на месте Пашкиного лица: она очень боялась, что кто-нибудь расскажет маме, что она курит.

Не найдя достойного ответа, Полина пухнула в Пашку самый яростный взгляд, на какой была способна, и молча зашагала к лагерю. Ноги от негодования гудели. Она старалась не шуршать сухостоем, чтобы дослушать до конца.

— Вообще-то игра была для всех, — донесся до Полины мурлыкающий Ташкин голос. — Куда же ты так спешил, Паша?

— Пацаны пивка взяли в деревне, — оживился теперь голос Пашки. — Ждем, когда все рассосутся от костра. Приходите к нам после отбоя!

Ташка кокетливо хихикнула, и Полине показалось, что она слышит, как эта несносная девчонка опять поправляет свою длиннющую гриву.

Верочка догнала ее и молча пошла рядом. Больше Полина не слушала.

Вот, значит, как! Вот, значит, почему! Черт бы его побрал, этого верзилу, — это из-за его «пивка» она теперь на весь сезон останется «девочкой-героином»! Бугай тупоголовый! Очень весело упиться пивом и завалиться спать! Куда веселее, чем носиться, прятаться, нападать и обороняться, спасать друзей и побеждать врагов...

«Я как маленькая», — Полина вдруг сделала грустный вывод. Грустный не оттого, что она еще не повзрослела, а оттого, что слишком быстро выросли все остальные.

Полина проснулась среди ночи от какой-то внешней, не связанной со сном мысли, дернувшей ее из сновидения, как в детстве сон о падении с высоты, когда шагнешь в темноту — и ухнешь вдруг вниз, просыпаясь: в палатке кто-то был. Вытянув руку влево, Полина уперлась в Верочкину спину, твердую даже сквозь воздушную пену спальника. Но кого-то и не было.

Полина ощущала ладонью плоский безжизненный спальник справа и жесткую подушку с можжевелевыми опилками — для нее и теперь оставалось загадкой, как Ташка умудряется спать на этом булыжнике. Сама Ташка отсутствовала.

В груди у Полины нехорошо екнуло, и она села.

Темень стояла такая, что разницы между открытыми и закрытыми глазами не было, и, если бы не ровное дыхание Верочки, можно было подумать, что ты уже умер. В голове звенело от тишины, и Полина напрягла слух,